

Калинин. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Калинин. Максим Горький

Осень, осень – свистит ветер с моря и бешено гонит на берег вспененные волны, – в белых гривах мелькают, точно змеи, черные ленты водорослей, и воздух насыщен влажной соленой пылью.

Сердито гудят прибрежные камни; сухой шорох деревьев тревожен, они качают вершинами, сгибаются, точно хотят вырвать корни из земли и бежать в горы, одетые тяжелой шубой темных облаков.

Над морем облака изорваны в клочья и мчатся к земле, обнажая бездонные синие пропасти, где беспокойно горит осеннее солнце. Тени скользят по изрытому морю; на земле ветер прижимает тучи к острым бокам гор, тучи устало ползут вверх и вниз, забились в ущелья и дымно курятся там.

Всё вокруг нахмурено, спорит друг с другом, сердито отемняется и холодно блещит, ослепляя глаза; по узкой дороге, прикрытой с моря грядой заласканных волнами камней, бегут, гонясь друг за другом, листья платанов, черноклена, дуба, алычи Плеск, шорох, свист – всё скипелось в один непрерывный звук, его слушаешь, как песню, равномерные удары волн о камни звучат, точно рифмы.

– Разыгрался Змиулан, окианский царь! – кричит в ухо мне мой спутник, высокий, сутулый человек, с круглым лицом ребенка и светлым взглядом прозрачных детских глаз.

– Кто?

– Царь Змиулан...

Молчу, – никогда не слышал про такого царя.

Ветер толкает нас, желая загнать в горы; его напор так силен, что иногда мы останавливаемся, повернувшись спинами к морю, широко расставив ноги, опираемся на палки и с минуту стоим как бы на трех ногах, а мягкая тяжесть давит нас, срывая платье.

Мой спутник кричит, как в бане на полке, а мне – смешно: уши у него большие, вялые, точно у собаки, выгоревшая скуфейка не прикрывает их, и, загнутые ветром вперед, они придают его маленькой голове уморительное сходство с глиняным рукомоиником. Солидный, длинный нос, словно чужой на мелком лице, – он еще более усиливает смешное сходство, являясь рыльцем рукомоиника.

Странное у него лицо, и весь он – необычный, чем и пленил меня сразу же, как только я увидел его в церкви Ново-Афонского монастыря, за всенощной. Выпрямив сухое, тонкое тело, склонив голову чуть-чуть набок, он смотрел на распятие и, шевеля тонкими губами, улыбаясь сияющей улыбочкой, казалось, беседовал со Христом, как с добрым другом. На круглом, гладком лице – без бороды, точно у скопца – с двумя светлыми кустиками в углах губ, светилось никогда не виданное мною выражение интимности, сознания исключительной близости с сыном Божиим. Это ясное отсутствие обычного рабского, пугливого отношения к своему богу – заинтересовало меня, и всю службу я с великим любопытством наблюдал, как человек беседует с богом, не кланяясь ему, очень редко осеняя себя знаменем креста, без слез и вздохов.

После ужина в рабочей казарме я пошел в странноприимную и там, в светлом круге под лампой, опускавшейся с потолка, увидел его за столом, среди женщин и мужчин богомольцев, услышал негромкий, но какой-то светлый голос – внятную, полновесную речь проповедника, привыкшего говорить с людьми.

– Иное, конечно, надобно показать, иное – надо скрыть; ибо – ежели что бестолковое и вредное – зачем оно? Так же и напротив: хороший человек не должен высываться вперед – глядите-де, сколь я хорош! Есть люди, которые вроде как бы хвастаются своею горькой судьбой: поглядите, послушайте, добрые люди, как горька моя жизнь! Это тоже нехорошо...

Чернобородый человек в поддевке, с темными глазами разбойника на иссохшем лице аскета, встал из-за стола, медленно расправил мощное тело и глухо спросил:

- А вот у меня жена и сынишко сожглись живьем в керосине - это как? Молчать об этом?

Несколько секунд все молчали. Потом кто-то негромко проворчал:

- Опять...

И тотчас в углу - в душном сумраке - родился уверенный ответ:

- Божие наказание за грехи...

- В три года - грехи? Ему три года было... это он и опрокинул лампу на себя, а она его схватила и загорелась сама... слабая была, на одиннадцатый день после родов...

- За грехи отца-матери, - по-прежнему уверенно выползли слова из угла. Чернобородый, должно быть, не слышал их, - разводя руками, рассекая ими воздух, он торопливо, без удержу, подробно сказывал о том, как сгорели жена и сын, - чувствовалось, что он говорит об этом часто и долго не кончит свой ужасный рассказ. Его мохнатые брови сошлись в одну черную полосу, под ними, налитые кровью, блестели белки глаз и тревожно перекатывались матовые черные зрачки.

Но вот в маленький промежуток его угрюмой речи втиснулся свободно и бодро светлый голос христоролюбивого странника:

- Это неправильно, землячок, винить господа бога за неловкий случай или за ошибку и за глупость...

- Стой, - ежели - бог, то отвечает за все!

- Нет, никак! Дан тебе разум...

- Что мне - разум, ежели я не могу понять?..

- Чего?

- А того... всего! Почему - моя жена сгорела, а - не соседова, ну?

Злой старушечий голос отчетливо проговорил:

- Ай-яй-яй! В монастырь пришел, а - воюет...

Чернобородый гневно сверкнул глазами, склонил голову, как бык, но вдруг, махнув рукой, быстрыми шагами, грузно топая, пошел к двери, странник не торопясь встал, закачался и, всем кланяясь, тоже стал двигаться вон из странноприимной.

- Наскрозь огорченное сердце, - сказал он, улыбаясь.

Мне показалось, что в улыбке этой нет сострадания.

А из угла кто-то снова инеодобрительно сказал:

- Любит он историю эту размазывать...

- И напрасно, - останешься в дверях, заключил странник, - только ведь терзает себя и других! Про такие дела забывать надо...

Через минуту я выхожу на двор и слышу у ворот ограды его спокойный голос:

- Ничего, отец, не беспокойся...

- Гляди, - сердито говорит привратник, отец Серафим, здоровенный ветлужанин, - по ночам тут абхаз голодный бродит.

- Мне абхаз не вреден... Я тоже иду к воротам.

- Куда? - спрашивает Серафим, приблизив ко мне свое волосатое, звериное и бесконечно доброе лицо.- Ага, это ты, нижегородской! Напрасно, поди-ка, беспокоишь себя - бабы-то все спать полегли...

И смеется,- рычит, как медведь.

За оградой великая тишина осенней ночи - усталая тишина земли, истощенной летом. Сладко пахнет увядшими травами и еще чем-то осенним, возбуждающим бодрость. Черные деревья висят в теплом и влажном воздухе, точно обрывки туч. Во тьме чуть слышно вздыхает, ластится к берегу полусонное море; небо окутано облаками, только в одном месте среди них опаловое пятно луны, и далеко на темной воде колышется другое, такое же...

Под деревьями - скамья и на ней человечесья фигура, округленная гьмою; подхожу, сажусь рядом.

- Откуда, земляк?

- Воронежский. А ты?

Русский человек всегда так охотно рассказывает о себе, точно не уверен, что он - это именно он, и хочет, чтобы его самоличность была подтверждена со стороны, извне. Рассеялись люди по большой земле, и чем более ясна им ее огромность, тем как будто меньше становятся они в своих глазах; плутают по тысячеверстным дорогам, теряя себя, а если встретится случай рассказать о себе - расскажет подробно всё пережитое, виданное и выдуманное. И всего чаще в рассказах этих слышишь не утверждение:

"Вот - я!" а вопрос:

"Я ли это?.."

- Тебя как звать?

- Очень просто: Алексей Калинин!

- Ты мне - тезка.

- Ну?

И, дотронувшись рукою до моего колена, он говорит:

- Тезка, у меня - известка, у тебя - вода, айда - штукатурить города!

...Звонят в тишине невысокие, легкие волны; за спиною угасает хлопотливый шум хозяйственного монастыря, светлый голос Калинина немножко погашен ночью, звучит мягче, менее уверенно.

- Мать моя - была нянька, я у нее пригульный и с двенадцати лет лакей, это - из-за высокого роста. Тут вышло так: поглядел на меня однажды генерал Степун - материн барин - и сказал: "Евгенья, скажи-ка Федору", лакею же, старичку из солдат, - "чтобы он приучал сына твоего служить за столом, - он вполне вырос для этого!" И служил я у генерала девять лет, лето в лето. Потом, случилось... потом - захворал я... У купца, градского головы, служил двадцать один месяц. В Харькове, в гостинице, с год... всё чаще приходилось менять места, хотя я слуга аккуратный, трезвый, да осанки нет у меня настояще-должностной... Главное же - характер образовался гордый, не идущий к делу... я назначен служить самому себе, а не людям...

Сзади нас, по шоссе, в направлении к Сухуму, идут невидимые люди, сразу понятно, что они не привыкли ходить пешком, - шаркают ногами по земле тяжело. Красивый голос тихо запекает:

Выхожу один я на дорогу...

Слово - один - громче других и, подчеркнутое, звучит печально.

Гулкий бас говорит лениво и внятно:

- Афон... Афония - потеря речи, до степени... до какой степени, мудрая Вера Васильевна?

- Почти до полной утраты членораздельности,- отвечает молодой женский голос.

Во тьме над землю призрачно плывут два черных пятна и между ними белое.

- Странно!

- Что?

- Слова здесь какие-то... намекающие! Гора - На-копиоба. Они тут накопили достаточно... умеют копить!

- А я не могу запомнить: Симон Канонит, и всегда говорю - каинит...

- Знаете что, господа? - как-то нарочито громко говорит красивый голос.- Смотрю я на всю эту красоту, дышу тишиной и думаю: а что, если бросить всё, ко всем чертям, и - жить...

Монастырский колокол, сухо отбивая часы, заглушил речь. Потом издали тоскливо донеслось:

О, если б в единое слово-о

Излить все, что на сердце есть!..

Мой сосед, вслушиваясь, странно наклонился набок, точно слова гуляющих людей тянули его за собою, а когда голоса потерялись вдали, он выпрямился и сказал, вздыхая:

- Вот: видно, что образованные люди, говорят обо всем, а - однако то же самое...

- Что?

- Да - слышал? - не сразу ответил он.- Бросить, говорит, надобно всё...

Наклонился ко мне, всматриваясь, точно близорукий, продолжал полушёпотом:

- Всё больше людей думают этак - бросить надо всё! И я тоже: долгие годы соображал - зачем служу, какая выгода? Ну - двенадцать, двадцать, хоша бы и пятьдесят рублей в месяц - что ж такое? А человек где? Может быть, для меня полезнее ничего не делать и в пустое место смотреть... сидеть вот так ночью и смотреть... и больше ничего!

- Ты что давеча говорил людям?

- Каким это?

- В странноприимной, бородатому?

- А! Не люблю я этого... людей этих, которые разносят по земле свое горе, бросают его под ноги всякому встречному... Что такое? Каждый сам по себе... Какая мне надобность в чужой слезе? Своя довольно солонна... К тому же всякий, свое-то горе любя, считает его самым замечательным и горьким на земле. Знаю я это...

Он неожиданно встал, длинный и тонкий.

- Надо поспать, завтра рано я уйду...

- Куда?

- В Новороссийск...

Была суббота, перед всенощной я получил в монастырской конторе мой недельный

заработок. В Новороссийск – мне не по дороге и уходить из монастыря неохота, но человек этот интересен, таких людей на земле всегда только двое, и один из них – я.

– Я тоже завтра иду.

– Значит – вместе...

...Мы вышли из монастыря на рассвете и вот – шагаем. Мысленно я поднимаюсь вверх и смотрю оттуда: берегом моря, по узкой тропе, идет пара длинных людей; один – в серой солдатской шинели и шляпе с прорванным верхом; другой – в рыжем кафтане и плисовой скуфье. Под ноги им плещет белой пеной безграничное море, ползут по камню дороги высушенные солнцем ленты водорослей, кружатся золотые листья. Ветер шумит, качая и толкая путников, летят над ними облака, с правой руки вознеслись в небо горы, и облака жмутся к ним, устало и бессильно; слева – распростерлась пустыня, вся в белом кружеве; рыщет над нею ветер и гонит прозрачные столбы водной пыли.

В бурные осенние дни на берегу моря как-то особенно весело и бодро: песни ветра и волн, быстрый бег облаков, и в синих провалах неба купается солнце, как увядающий чудесный цветок, – в этом видимом хаосе чувствуешь скрытую гармонию нетленных сил земли – маленькое человеческое сердце объято мятежным пламенем и, сгорая, кричит миру:

– Я тебя люблю!

Страшно хочется жить, – так жить, чтоб смеялись старые камни и белые кони моря еще выше вставали бы на дыбы; хочется петь хвалебную песню земле, чтоб она, опьянев от похвал, еще более щедро развернула богатства свои, показала бы красоту свою, возбужденная любовью одного из своих созданий человека, который любит землю, как женщину, и охвачен желанием оплодотворить ее новою красотой.

Но слова тяжелы, точно камни, убивая фантазию, они ложатся над трупом ее серым холмом, – смотришь на себя пред этой могилой и смеешься над собою

Иду, точно во сне, и сквозь плеск волн, горячее шипение пены слышу незнакомые слова:

– Гиман, Димон, Игамон, Змиулан – это есть хорошие беси...

– А Христос – как с ними?

– Христос – ничего!

– Во вражде?

– Он – с этими? Зачем? Это беси особые, беси хорошие... И, к тому же, Христос ни с кем не враждует...

– А – торгоши во храме?

– Ну, один раз веревкой побил, эка важность! И ведь не по вражде к ним, а – для порядка.

Тропа, точно испугавшись напора волн, круто изогнулась вправо в кусты; пред нами – горы в облаках, облака темнеют всё более сердито – наверное будет дождь.

Калинин поучительно рассказывает, взмахами палки отбивая цепкие ветви с тропы.

– Это опасное место, тут малярная лихорадка живет, – маляр один костромской наслал самую злую сестру – лихорадку сюда... Денег ему недодали, что ли, не помню причины случая...

На море плотно налегли тени, и оно стало траурным – черное с белым. Вдали виден Гудаут, весь захлестанный пеной – точно сугробы снега ползут на него.

– Ты мне расскажи про этих бесов.

- Изволь! Что?
- Что знаешь.
- Я всё знаю!

Он весело подмигивает мне, повторяя:

- Всё! У меня, брат, мать замечательная была - заговоры, заклятия всякие, сказки, святые жития - всё знала! Аягу я спать в кухне, за печью, а она на печи - она уже на покое жила, без работы: вынянчила трех детей у генерала...

Он остановился, потыкал в землю палкой, оглянулся назад и пошел, шагая широко, твердо.

- Была еще у генерала племянница, Валентина Игнатьевна, - удивительная!
- Чем?
- Так уж. Всем.

В сыром воздухе над нами тяжело проплыл баклан, - птица жадная и неумная. Перо сильных крыльев свистело в воздухе, вызывая какое-то темное воспоминание, недобрую мысль...

- Ну, рассказывай!
- Так вот - лежу я на полу, на печь не влезал - не люблю я печной жары, - а она сидит на печи, свеся ноги, мне и не видать ее в темноте, только то вижу, про что она говорит. Идет на меня сверху всё это - иной раз даже бывало жутко, так я кричу: "Мамка, не надо!" Я ведь страшного не люблю, я его и помню плохо... она сама была довольно страшная, умирала она тогда, внутренности гнили. Сорок три года ей, а вся седая и помирает, запах от нее, все на кухне ругаются...
- Ну, а беси?
- Сейчас!

Всё плотней надвигается к тропе цепкий, причудливо запутанный кустарник; мы точно плывем среди шумных зеленых волн, нас легонько хлещут ветви, как бы внушая:

"Идите скорее, дождь захватит!"

Замедлив шаг, мой спутник мерно, немножко нараспев, рассказывает:

- Когда сыне божий Исус Христос ушел в пустыню собраться с мыслями послал сатана бесов к нему для искушения. Был в ту пору Христос молодой, веселый, сидит он среди пустыни на песке горячем, думает - как быть? - а сам набрал горсть камушков - играет. Вот подходят к нему беси: Гиман, Димон, Игамон, Змиулан - тоже всё молоденькие, и, еще издали, видя Христа, пожалели они его: дескать - какой несчастной судьбе предан! Подходят: прими и нас поиграть! Христос улыбается им - ну, садитесь! Сели в кружок и начали они тут свое дело исполнять: кто из них камень вверх ни кинет упадет камень на горячий песок нагой женщиной, лежит она вся свободная и, руки ко Христу простирая, манит его на грех. А он улыбнется ей, дунет духом уст своих, - тут она растает в парок и тотчас взлетит на воздух. Сам он кинет камушек - обернется камень шестикрылатым голубем и затрепещется во храм ерусалимский. Долго бились неумеющие беси - видят: никак не может соблазниться Христос! И сказал ему старший бес, Змиулан:

- Нет, господи, больше мы не станем соблазнять тебя - ничего у нас не выходит! Хоть мы и беси - а не удастся!

- Никогда не удастся, - сказал Христос, - уж коли я что задумал, так сделаю! А что беси вы - это я знаю, и что вы - еще издали видя - пожалели меня, тоже знаю. Вот вы теперь правду о себе не скрыли - будьте же за это на всю жизнь добрыми, это легче будет для вас! Ты, Змиулан, будь океанским царем - отгоняй морским ветром гнилой дух от земли; ты, Ди-мон, гляди, чтобы скот не ел ядовитых трав - пусть

Калинин. Максим Горький gorkiytext.ru

все ядовитые травы будут колючими; ты, Игамон, утешай по ночам безутешных вдов, которые бога обвиняют за смерть мужей; ты, Гиман, самый молодой, выбери себе что нравится!

- Я, господи, хохотать люблю!

- Вот и смехи людей, только - не в церкви.

- Я бы, господи, и в церкви тоже хотел!

- Усмехнулся тут Иисус Христос:

- Ну, бог с тобой, смехи и в церкви, только потихоньку!

- Так и обратил Христос злые беси в добрые.

...Над зеленым морем кустарника поднялись в небо древние дубы, желтый лист зябко трясется на них; могучее ореховое дерево сбрасывает увядшие одежды; мелкою дрожью дрожит алыча, и благодарно кланяется земле полуголый каштан.

- Хорошая история?

- Хорошая. Христос хорош.

- Он всегда такой, - с гордостью говорит Калинин. - Знаешь, как про него в Смоленской губернии одна старуха пела?

- Нет.

Этот чудной человек остановился и, притопывая ногою, запел нарочито дрожащим, старческим голосом:

У небеси расцвел цветок

сыне божья!

Он всем радостям исток

сыне божья!

Красным солнышком цветет

сыне божья!

Благодать земле несет

сыне божья!

С каждым стихом голос Калинина молодец, последний стих был пропет высоким, приятным тенором.

Всему миру он один...

Вдруг сверкнул ослепительно синий луч, в горах глухо бухнуло, над землею и морем раскатилось стоголосое эхо. Калинин открыл рот, обнажив красивые, ровные зубы, потом стал часто креститься и забормotal:

- Боже страшный, боже добрый, седяй в вышних, на престоле злате в золотой палате, казни сатану, да во гресех не потону!..

И, повернув ко мне маленькое, испуганное лицо, мигая светлыми глазами, деловито заговорил:

- Бежим, брат, я грозы боюсь... бежим скорее, куда ни есть!.. Дождик хлынет, гляди, а тут - лихорадка эта...

Побежали; ветер толкает в спины, гремят наши чайники и котелки, котомка бьет меня по пояснице большим мягким кулаком. До гор - далеко, вокруг - никакого

Калинин. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

жилья. Кусты хватают за полы, под ногами прыгают камни, стало темно, и кажется, что горы плывут встречу нам.

Снова из черных туч стремительно излился небесный огонь, и море, вспыхнув синими сапфирами, точно выплеснулось из берегов; дрогнула земля, а из горных ущелий посыпался громкий скрежет каменных зубов.

- Свят, свят, свят,- кричит Калинин, исчезая в кустах.

Сзади хлещут волны, догоняя бегущих, впереди, во тьме – скрип и шорох; чьи-то длинные черные руки машут над головами, на вершинах гор, за густым пологом туч оглушительно грохочет железная колесница грома; всё чаще сверкают молнии, гудит земля, и в разрывах тьмы, в голубом сиянии шумят, качаются, бегут огромные деревья, а их уже сечет косой холодный дождь.

Жутко, но – весело. Тонкие струны дождя бьют по лицу, тело охвачено хмельной бодростью, кажется, что можно бежать под дождем и громом бесконечно долго – вплоть до ясного дня.

- Стой,- гляди! – кричит Калинин.

На секунду озаренный молнией, пред нами ствол дуба и в нем – точно дверь – широкая черная щель; мы, смеясь, лезем в нее, как два мышонка.

- Тут места даже на троих довольно! – говорит мой спутник.- Выжжено дупло-то,- экие озорники! В живом дереве огонь разводят!

Тесно; пахнет гнилым листом и дымом; на голову и плечи шлепают тяжелые капли. При каждом ударе грома дерево, вздрагивая, гудит; среди воющего шума мы точно в море на узком челноке, и когда сверкнет молния – видно, как дождь убегает от нас,- он стелется в воздухе сетью синеватых лент, мелькает кусочками стекла.

Ветер свистит тише, словно удовлетворился тем, что нагнал на землю столь сильный дождь,- он способен размыть горы, размягчить камни.

- Уо-уу-уо! – кричит где-то невысоко над нами и близко от нас горный филин.

- Думает – ночь! – шёпотом сказал Калинин.

- Уо-уу-уо! – вторит птица.

- Ошибаешься, брат! – громко крикнул человек.

Холодно. Торопливо струится светло-серая влага, занавешивая полупрозрачной тканью стволы деревьев, толстые, как бочки, корявые и ошестинившиеся молодой порослью, еще не потерявшей мелкого листа.

Однотонный звук широко течет над землей и гасит мысли. Невольно, со вниманием, которое становится всё напряженнее, вслушиваешься, как дождь сечет опавший лист, бьет камни, хлещет о стволы деревьев, как журчат и всхлипывают ручьи, сбегая к морю, гудят в горах потоки, гремя камнями, скрипят деревья под ветром, равномерно бухает волна,- тысячи звуков сцепились в один тяжелый, сырой, и хочется разъединить их – разместить, как слова в песне.

Калинин возится, толкает меня и ворчит:

- Однако – тесно же! Не люблю я тесноты...

Он устроился удобнее меня: влез в дупло глубже, присел на корточки и как-то особенно ловко сложился в маленький комочек. Дождь почти не мочит его. Вообще не него, видимо, очень хорошо развита ловкость привычного бродяги уменье быстро найти при всех неблагоприятных условиях самое выгодное положение.

- Вот – и дождь, и холод, и всё,- тихонько говорит он,- а хорошо ведь!

- Чем – хорошо?

- Никому, кроме бога, не обязан. Ежели сносить неприятности, так лучше от него,

Калинин. Максим Горький gorkiymaxim.ru

а не от себе подобного...

- Ты, видно, не очень любишь себе подобного-то?

- Возлюби ближнего твоего, яко собака палку,- ответил он, а помолчав, спросил: - За что его любить?

Я тогда тоже не знал - за что.

Не дождавшись моего ответа, Калинин снова спросил:

- Ты в лакеях не служил?

- Нет.

- То-то. Лакею ближнего любить трудно.

- Отчего?

- послужи - узнаешь! Ежели кому служишь, так уж тут, братец мой, любить его не приходится... А дождь этот надо-олго!

Отовсюду текут всхлипывания, плач - точно вся земля тихо и горестно рыдает, прощаясь с летом накануне зимних бурь.

- Как ты попал на Кавказ?

- Шел, шел и пришел! - отвечает Калинин.- На Кавказ попасть всякому хочется...

- Почему?

- А - как же? С малых лет слышишь: Кавказ, Кавказ! Бывало - генерал заговорит - даже оцетинится весь и глаза выкатываются. Тоже и мать: она ведь тоже была здесь. На Кавказ, брат, всякого тянет: здесь жить просто солнышка много, зима короткая, не злая, как у нас, фруктов множество... вообще - веселее!

- А - люди?

- А что - люди? Держись в стороне, они не помешают.

- Чему?

Калинин, снисходительно усмехаясь, взглянул на меня и сказал:

- Экой ты чудак - спрашиваешь, спрашиваешь о самом о простом!.. Ты грамотный? Ну - должен сам все понимать...

Изменив голос на сердитый и гнусавый, он пропел, точно молитву:

- Не попусти, господи, сглазить ни чернцу, ни чин-цу, ни попу, ни дьяку, ни великому грамотнику... Это - мать моя часто говаривала...

Дождь стал тише, его линии истончились, сеть их стала прозрачней яснее видны угрюмые стволы почерневших дубов, ярче золото и зелень листвы. В дупле посветлело, обугленные стенки блестят, точно атлас,- Калинин ковыряет уголь пальцем и говорит:

- Это пастухи выггли... Видишь - и сено натаскано, и сухой лист. Хорошая жизнь у пастуха здесь!..

Точно приготавливаясь уснуть, он обнял затылок руками, воткнул подбородок между колен и замер.

Мимо нашего дерева, омывая его обнаженные корни, торопливо - светлой змею - бежит ручей, унося красный и рыжий лист. Хорош должен быть такой лист далеко среди моря: в небе только солнце, а на синем шелке моря - одна эта красная звезда...

Калинин. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Мой спутник мурлычет, точно кот, какую-то песню. Мелодия знакома "Спрятался месяц за тучку", но - я слышу другие слова:

Удивительная Валентина

Вы прекрасней всех цветов!

Горит сердце нянькина сына,

И на все он для вас готов...

- Что это за песня?

Калинин разогнулся, завозился, гибкий, точно ящерица, крепко повел ладонями по лицу.

- Это - сочинение. Военный писарь один сочинил... помер он в чахотке. Другок мой был, за всю жизнь - один, истинный! Тоже - удивительный человек!

- А - Валентина кто?

- Конечно - барышня, - неохотно ответил он.

- Писарь влюблен в нее был?

- Нисколько даже.

Видимо, он не хотел говорить об этом, снова съежился, спрятал голову и проворчал:

- Костер бы развести... а всё мокрое...

Скучновато посвистывает ветер, встряхивая деревья; упорный мелкий дождь сечет землю.

Человек я маленький и бедный,

И другим не буду никогда

- снова тихонько запел Калинин и, взметнув голову быстрым, несвойственным ему движением, внушительно сказал:

- Это очень печальная песня... она может до слез взять за сердце. Ее только двое знали: я да он... ну, еще она, конечно... но она, конечно, и позабыла сразу...

И, улыбаясь светлыми глазами, он предложил снисходительно:

- Вот что: ты - человек молодой, и тебе надобно знать, где опасности для жизни, - расскажу я тебе историю одну...

Дождь тоже стал как бы прислушиваться: сквозь его шелковистый усыпляющий скукою шорох мирно потекла человеческая речь:

- Это не Лукьянов влюбился, а я, - он только стихи писал, по моей просьбе. Шел мне девятнадцатый год, когда она появилась, и как я взглянул на нее - так и понял, что в ней моя судьба, - даже сердце замерло, и вся жизнь полетела, как пылинка в огонь. И весь я вроде бы окрылился: так себя почувствовал, как, примерно, часовой на страже пред начальством подтянулся весь, окреп, и эдакая тревога в сердце: вот сейчас что-нибудь случится! Лет ей - Валентине Игнатьевне - было двадцать пять, может побольше... очень красивая! Просто - удивительная! Была она сирота: папашу турки убили, мамаша в Самарканде от оспы померла... Генералу она приходилась племянницей по жене. Барышня рыжеватая и белая, как фарфор с золотом, глаза - изумруды... Округлая такая вся... словно просвира... Заняла она угловую комнату, рядом с кухней, - у генерала, конечно, дом собственный - и еще дали ей светлый чуланчик. Наставила она везде свои странные вещи: бутылочки, чашечки стеклянные, медную трубу и круг, тоже стеклянный в меди, она его вертит, а от него - огненные искры скачут, потрескивают, этого она нисколько не боится и поет:

Не для меня придет весна,
Не для меня Буг разольется,
И сердце радостью забьется
Не для меня, не для меня...

- Всегда она это пела. Блестит на меня глазками и говорит, очень просительно:
"Вы, Алексей, ничего у меня не троньте, это вещи опасные!.."

- А у меня, действительно, всё при ней из рук падает, и эта ее песня... "Не для меня" - обидно мне за нее: как не для тебя? Всё - для тебя! Тянет сердце мое куда-то вверх. Купил гитару, а играть - не умею, на этом и познакомился с Лукьяновым, с писарем, - штаб дивизии находился в одной улице с нами. Был этот Лукьянов маленький, черноволосый, из крещеных евреев... лицо - желтое, а глаза - точно шилья. Отличный человек, и на гитаре играл - незабвенно... Говорит он мне: "В жизни всего возможно достичь... Нашему брату терять нечего. Откуда всё существующее? От простейших людей: человек не родится генералом, но достигает звания. А женщина - говорит - начало и конец; и нужно ее стихами брать; я тебе напишу стихи, а ты ей подложи..." Мысли у него были прямые, бесстрашные...

Калинин рассказывал быстро, воодушевленно и вдруг как бы погас: замолчал на несколько секунд и продолжал уже тише, медленнее, как-то недовольно:

- Сразу-то я ему поверил, а потом всё оказалось не так: и женщина обман, и стихи - чепуха, и невозможно человеку ускользнуть от своей судьбы. А храбрость - это на войне удобно, в мирной жизни она просто - голое озорство! Тут, братец мой, надобно знать закон основания жизни: есть люди высокого звания и низкого звания, и пока они на своем месте - это хорошо; а как только кто полез сверху вниз или снизу вверх - кончено! Застревает человек на полудороге - ни туда ни сюда, и так - на всю жизнь! На всю жизнь, брат! Значит - сиди тихо при своем месте, как дозволено судьбою... Дождик, кажись, перестает?

Да, капли падают всё более редко и устало, сквозь мокрые сучья в сыром небе видны светлые пятна, они напоминают о солнце.

- Рассказывай!

Калинин усмехнулся.

- Интересно? Н-ну, хорошо, поверил я Павлу, - пиши стихи, сделай милость! Он на другой же день очень ловко и приготовил их... забыл я слова... как-то так, что-де и дни и недели ваши глазки сердце мне ели любовным огнем и - пожалейте о нем! Подсунул я ей эти стихи под бумагу на стол - дрожу, конечно. На другой день утром убираю комнату - вдруг она выходит в распашном таком капоте красном, папироса в зубах, улыбается ласково и говорит, показывая мне бумажку: "Это вы, Алексей, написали?" "Так точно, говорю, простите, Христа ради!" - "У вас, говорит, есть фантазия, и это очень жалко, потому что я занята: дядя меня выдает за доктора Клячку, ничего невозможно сделать!"

- Обомлел я: так ласково и сожалительно она сказала. Клячка - доктор, красный, угреватый, усищи до плеч, тяжелый такой человек и всё хохочет, кричит: "Нет ни начала, ни конца, а только одно удовольствие!"

- Генерал тоже хохочет над ним, трясется весь: "Вы, говорит, доктор комик", - это значит - паяц, балаганщик. Я же в то время был как тростинка, лицо - румяное, волосы вьются, жил чисто. С девицами обращался осторожно, проституток вовсе презирал... вообще - берег себя для высшей ступени, имея в душе направляющую мечту. И вина не пил, противно было мне... потом - пил. В бане мылся каждую субботу.

- Вечером все они - и Клячка - поехали в театр, - лошади у генерала, конечно, свои, - а я - к Лукьянову: так, мол, и так! "Ну, говорит, поздравляю, ставь пару пива, дело твое кругло, как шар! Давай трешницу, я тебе еще стихов накаताю. Стихи, говорит, это дело колдовское, вроде заклинания".

- И написал песню про удивительную Валентину - очень жалобно, и так понятно всё. О господи...

Калинин задумчиво тряхнул головой и уставился детскими глазами на голубые пятна неба, промытого дождем.

- Нашла она стихи, - нехотя, против воли говорил он, - кликнула меня к себе, спрашивает: "Как же нам быть, Алексей?"

- А сама - полуодета, чуть не всю грудь мне видно, и ноги голые, в одних туфельках; сидит в кресле, качает ножкой, дразнит.

"Как же нам быть?" - говорит.

- Разве я знаю? Меня словно и нет на земле.

"Вы умеете молчать?" - спрашивает она.

- Я - головой киваю, совсем онемевши. Нахмурилась она, встала, взяла какие-то две баночки, отсыпала из них порошок в конверт, дает мне и говорит: "Я, говорит, вижу один исход из мук наших египетских вот порошок, доктор сегодня обедает у нас, так всыпьте ему порошок этот в тарелку, и через несколько дней я буду свободна для вас!"

- Перекрестился я, взял конверт, а у меня туман в глазах и даже ноги ооченели. Не помню, что со мной было, обмер я изнутри и до самого прихода Кляч-ки этого - ничего не понимал...

Калинин вздрогнул, стукнули его зубы, испуганно глядя на меня, он торопливо завозился.

- Обязательно надо костер - дрожу я! Ну-ко, вылезай...

По мокрой земле, светлым камням и траве, осеребренной дождем, устало влачили тени изорванных туч. На вершине горы они осели тяжелой лавиной, край ее курился белым дымом. Море, успокоенное дождем, плескалось тише, печальнее, синие пятна неба стали мягче и теплей. Там и тут рассеянно касались земли и воды лучи солнца, упадет луч на траву - вспыхнет трава изумрудом и жемчугом, темно-синее море горит изменчивыми красками, отражая щедрый свет. Всё вокруг так хорошо, так много обещает, точно ветер и дождь прогнали осень и снова на землю возвращается благотворное лето.

Сквозь влажный шорох наших шагов и веселое падение дождевых капель я слушаю ворчливый, усталый рассказ:

- Ну... Открыл я ему дверь и не могу в глаза взглянуть, сама собою голова падает, а он поднял ее за подбородок и спросил: "Ты что это какой желтый, а? В чем дело?"

- Он был добрый... кроме того, что на чай жирно давал и вообще всегда как-то говорил со мной отлично... будто я не лакей...

"Нездоровится, говорю, мне..." - "Ну, говорит, я тебя после обеда осмотрю, не падай духом".

- Тут понял я, что не могу отравить его, а нужно самому мне принять порошок этот, да, самому! Вроде как молонья озарила сердце мне - вижу, что не той дорогой иду, которая указана мне судьбою, бросился в свою комнатку, налил стакан воды, всыпал порошок - замутилась вода, зашипела, пеною покрывшись. Страшно! Однако - выпил. Не обожгло. Прислушиваюсь ко внутренностям - ничего, а в голове даже светлее стало, хотя и жалко себя, чуть не до слез... Давай-ко, устроимся здесь!

Огромный камень в темно-зеленой шапке моха и ползучих растений добродушно наклонил над землею широкое, плоское лицо - точно Святогор-богатырь ушел в землю, увлеченный тягою ее, осталась над землею только голова и лицо, стертые вековыми думами. Со всех сторон тесно обросли, обступили его дубы, тоже как будто иссеченные из камня; ветви их касаются морщин старой скалы. Под навесом

камня сухо и уютно, – сидя на корточках и ломая сучья, Калинин говорит:

– Вот где бы нам дождь-то переждать...

– Ну – продолжай историю...

– Да... Ты – запаливай...

Вдвинув тонкое тело глубоко под камень, он вытянулся на земле и вяло продолжал:

– Иду тихонько в буфетную, ноги у меня пляшут, в груди – холодно. Вдруг – в гостиной Валентина Игнатьевна очень весело смеется, и через столовую слышу я генераловы слова:

"Вот он – народ ваш, что-с? Он за пятак на всё согласен!"

– А возлюбленная мною – кричит:

"Дядя! Разве мне пятак цена?"

– И доктор тоже говорит:

"Ты чего ему дала?" – "Сода с кислотой. Господи, вот смешно будет..."

Калинин замолчал, закрыл глаза.

Вздыхает влажный ветер, относя густой дым на черные ветви деревьев.

– Сначала обрадовался я, что не умру, – сода с кислотой – это не вредно, это с похмелья пьют. А потом вдруг ударило меня соображение: разве можно так шутить? Ведь я же – не кутенок!.. Все-таки стало легче мне. Начали обедать, подаю бульон в чашках, все молчат. Доктор первый отведал бульон, поднял чашку, сморщился и спрашивает: "Позвольте, что такое?" "Ну, нет, думаю, не удалось вам, господа, пошутить!" Да и говорю вполне вежливо: "Не извольте беспокоиться, господин доктор, порошок я самолично принял..."

– Генерал с генеральшей не поняли, что шутка не состоялась, и хохочут, а те двое – молчат, глаза у Валентины Игнатьевны большие-большие сделались, и тихонько так она спрашивает: "Вы знали, что это безвредно?" "Нет, говорю, когда принимал – не знал..."

И тут я свалился с ног, лишившись чувств своих окончательно.

Маленькое лицо его болезненно сморщилось, стало старым и жалким. Он повернулся грудью к неяркому костру, помахал рукою, отгоняя дым, озорниково и лениво тянувшийся в угол.

– Хворал я семнадцать ден. Приходил доктор этот, Клячка, – фамилия же!.. Сядет около меня, спрашивает: "Значит – ты сам хотел отравиться, чудак-человек?"

– Так и зовет меня: чудак-человек. А что ему за дело? Я сам себя могу хоть собакам скормить... Валентина Игнатьевна ни одного разу не заглянула ко мне... так я ее никогда и не видал больше... Они вскорости повенчались и уехали в Харьков, Клячка место получил при чугуевском лагере. Остался я один с генералом, он – ничего был старик, с разумом, только, конечно, грубый. Выздоровел я – он меня призвал и внушает: "Ты-де совершенный дурак, и всё это подлые книжки испортили тебя!" – а я никаких книжек не читывал, не люблю этого. – "Это, говорит, только в сказках дураки на царевнах женятся. Жизнь, говорит, шахматы, каждая фигура имеет свой собственный ход, а без этого – игры нет!"

Калинин простер над огнем руки – тонкие, нерабочие – и усмехнулся, подмигивая мне.

– Эти его слова я принял очень серьезно: "Значит – вот как? – думаю себе. – А ежели я не желаю играть с вами и проигрывать мою жизнь неведомо для чего?"

Он торжествующе поднял голос.

Калинин. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- И тогда стал я, братец ты мой, всматриваться в эту их игру, и увидел я, что живут все они в разных ненужностях, очень обременены ими, и всё это не имеет серьезной цены. Книжечки, рамочки, вазочки и всякая мелкая дребедень, а я - ходи промеж этого, стирай пыль и опасайся разбить, сломать. Не хочу! Разве для этих забот мать моя в муках родила меня и для этой жизни обречен я по гроб? Нет, не хочу, и позвольте мне наплевать на игру вашу, а жить я буду как мне лучше, как нравится...

В его глазах вспыхнули зеленые искорки, пальцы рук судорожно сцепились, и он взмахнул ими над огнем, как бы отсекая красные кудри.

- Конечно, я не сразу понял это, а - исподволь дошел. Окончательно же утвердил меня в этих мыслях один старец в Баку - мудрейший человек! "Ничем, говорит, не надобно связывать душу свою: ни службой, ни имуществom, ни женщиной, ниже иным преклонением пред соблазном мира, живи один, только Христа любя. И это - единое, что навсегда верно, единое навеки крепкое"...

- Ух! - воодушевленно крикнул он, надув щеки и покраснев от какого-то внутреннего усилия. - Весьма много видел я и земли и людей, и уже много есть на Руси таких, которые понимают себя и пустякам предаваться не хотят. "Отойди ото зла и тем сотворишь благо", говорил мне старичок, а я уже до него понял это! Сам даже множеству людей говорил так, и говорю, и буду... Однако - солнце-то вон где! - вдруг оборвал он самодовольную речь восклицанием тревожным и жалобным.

Большое красное солнце тяжело опускалось в море; между ним и водою невысокие темные холмы облаков со снеговыми вершинами.

- Пожалуй, захватит ночь, - ощупывая кафтан, ворчал Калинин. - А тут чекалки по ночам рыщут. Чекалок - знаешь?

- Шакалов?

- Правильно называется - чекалка.

Три облака похожи на турок в темно-красных халатах и белых чалмах, они соткнулись головами, тайно беседуя о чем-то, у одного на спине вздулся горб, на чалме другого выросло бело-розовое перо, оторвалось и всплыло в небо, к задумчивому солнцу, без лучей и подобному луне. Третий турок выдвинулся вперед и, согнувшись над морем, закрыл собеседников своих, из-под чалмы его вспух большой красный нос и смешно нюхает море.

- Слепой старик лапоть ловчее плетет, чем многие умные люди составляют свою жизнь, - слышен сквозь треск и шипение костра ровный голос Калинина.

Мне уже не хочется слушать его; нити, привлекавшие меня к нему, как-то сразу перегорели, оборвались. Хочется молча смотреть в море и думать о чем-то, что, по-вечернему тихо и ласково, волнует душу. Запоздалыми каплями дождя падают его слова.

- Все суются, спрашивают друг друга: ты как живешь? Учат - ты не так живешь, вот как надобно! А кому известно, как надо жить для полного моего здоровья? Никто ничего не может знать - пускай каждый живет как хочет, без принуждения! Я ничего от тебя не хочу, и ты от меня ничего не требуй. И не жди. А отец Виталий доказывает обратное: человек должен быть в мире ратником супротив зла...

В темной пустыне лежит кроваво-красная тропа - не по ней ли прошли и невидимо идут, теряя плодотворно горячую кровь, лучшие люди мира?

Справа и слева от этой живой полосы огня море странного, темно-малинового цвета, дальше оно - черное и мягкое, точно бархат, где-то далеко на востоке бесшумно вспыхивает молния, точно незримая рука зажигает о сырое небо спичку и не может зажечь.

Калинин обиженно говорит о старце Виталии, смотрителе за работами в Ново-Афонском монастыре, - вспоминается умное, веселое лицо монаха, с жемчужными зубами в шелке черной и серебряной бороды; прищурился красивые женские глаза, он говорит внушительным баском, подчеркивая "о": "Когда мы, теперешние, прибыли сюда - был тут хаос довременный и бе-сово хозяйство: росло всякое ползучее

растение, окаянное держидерево за ноги цапало и тому подобное! А ныне – глядите-ко, сколь великую красу и радость сотворили руки человечьи и благолепие какое!"

Он гордо очерчивает крепкой рукою и взглядом широкий круг в воздухе: в этот круг, как в раму, заключена гора, разработанная уступами под фруктовый сад, – земля, точно пух, взбита на ней; под ногами Виталия серебряная полоса водопада и лестница, высеченная в камне, – она ведет в пещеру Симона Канонита. А внизу горят на полуденном солнце золотые главы новой церкви, тают белые корпуса гостиниц и служб, зеркалом лежат рыбные пруды и всюду царственно важные, холеные деревья.

"Братие, – когда захочет человек – дано ему одолеть всяческий хаос!" торжественно говорит Виталий.

– Тут я его и прижал: "Христос наш, говорю, тоже был человек бездомный и надземный; он вашу земную заботливую жизнь отвергал!" – рассказывает Калинин, потряхивая головою, и уши у него тоже трясутся. – "Был он не для низких и не для высоких, а – как все великие справедливы – ни туда ни сюда! А когда с Юрием да Николою ходил по земле русской, по деревням, то даже и не вмешивался в дела их, – они спорят о человеке, а он – молчит!" Уел я его этим, рассердился Виталий, кричит: "Ах ты, невежа, еретик!"

Под камнем душно, дымно. Костер – точно охапка красных маков, азалий и еще каких-то желтых цветов; он живет своей красивой жизнью, сгорая и согревая, умно и весело смеясь ярким смехом.

С гор, из туч, тихо спускается сырой вечер, земля дышит тяжело и влажно, море густо поет неясную, задумчивую песню.

– Значит – здесь заночуем? – деловито спрашивает Калинин.

– Нет, я пойду.

– Ну что ж! Идем...

– Мне – не по дороге с тобой...

Он, сидя на корточках, вынимал из котомки хлеб и груши, но после моего ответа снова сунул в нее вынутое и захлестнул котомку, сердито спросив:

– Зачем же ты шел?

– Поговорить. Человек ты интересный...

– Конечно – интересный, – таких, как я, не много, брат!

Солнце, похожее на огромную чечевицу, тускло-красное, еще не скрылось, и волны не могут захлестнуть огненного пути к земле. Но скоро оно утонет в облаках, тогда тьма сразу выльется на землю, точно из опрокинутой чаши, и сразу в небе вспыхнут большие ласковые звезды. Земля во тьме станет маленькой, как человечье сердце.

– Прощай!

Я пожимаю небольшую, без мускулов, кисть руки – человек детски ясно смотрит в глаза мне и говорит:

– А я скорей тебя дойду!

– До Гудаута?

– Ну да...

...Вот я и один, в ночи, на милой мне земле, всем одинаково чужой и всему равно близкий, щедро оплодотворяемый жизнью, по мере сил оплодотворяющий ее.

С каждым днем всё более неисчислимы нити, связующие мое сердце с миром, и сердце копит что-то, от чего всё растет в нем чувство любви к жизни.

Калинин. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Поет море ночной гимн; камни, заласканные волнами, глухо гудят в ответ. Неясное – белое носится стаями по черной пустыне; вдали над нею еще не погасла вечерняя заря, а в зените неба уже ярко пылают звезды.

Засыпая, вздрагивают вершины деревьев – на землю сыплются капли дождя. Всхлипывает вода под ногами – звук робкий и сонный.

Иду во тьме и сам себе свечу; мне кажется, что я живой фонарь, в груди моей красным огнем горит сердце, и так жарко хочется, чтобы кто-то боязливый, заплутавшийся в ночи – увидел этот маленький огонь...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!